

ЛАНДШАФТ БРАКОНЬЕРСКИХ ПРОМЫСЛОВ В ИЗОЛИРОВАННЫХ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Александр Сергеевич Черкасов (ascherkasov@hse.ru)

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Цитирование: Черкасов А.С. (2025) Ландшафт браконьерских промыслов в изолированных местных сообществах Дальнего Востока. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 137–159. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.6> EDN: GOVYHB

Аннотация. Цель статьи — выявить особенности браконьерских промыслов в зависимости от степени пространственной изоляции локальных сообществ. Ключевое предположение исследования основано на том, что браконьерство в сообществах с высокой степенью изоляции играет более значимую роль при выборе населением экономической стратегии, чем в слабо изолированных сообществах. Эмпирической базой исследования послужили полевые материалы, собранные посредством наблюдений и интервью на территории Приморского, Камчатского и Хабаровского краев в период с 2019 по 2023 г. Описаны характерные для территорий браконьерские промыслы охоты, рыболовства и собирательства, произведена оценка доходов. Охарактеризована роль браконьерства в экономической жизни людей, проживающих в изолированных, ординарных и турбулентных сообществах. Определены главные триггеры, повышающие значимость браконьерства для изолированных сообществ, богатых природными ресурсами. Показано, что изолированные территории характеризуются дефицитом официальных рабочих мест и легальных альтернатив для добычи биоресурсов, а также меньшим значением личного подсобного хозяйства по сравнению с природопользованием. Богатство территорий ценными биоресурсами вместе с перечисленными выше факторами определяет браконьерство в качестве ключевого элемента экономической стратегии жителей сильно изолированных сообществ Дальнего Востока. Для жителей слабо изолированных территорий браконьерские промыслы становятся прежде всего источником «приработка» или сезонного дохода.

Ключевые слова: браконьерство, пространственная изоляция, пространственно-изолированные сообщества, регулирование природопользования, неформальные промыслы, теневая экономика, рыболовство, охота, собирательство.

Введение

Браконьерство — незаконная добыча биологических ресурсов путем охоты, рыболовства и собирательства, вызванная наличием спроса на черном рынке (Wyatt 2013). Браконьерство — это базовый способ добычи ценных биоресурсов физическими лицами в условиях серьезной законодательной зарегулированности сферы природопользования в России.

Ключевая сложность в вопросе изучения браконьерства как одного из компонентов неформальной экономики состоит в том, что статистически оно никак не фиксируется (Барсукова 2012). Вследствие этого основой для исследования браконьерства, как правило, становятся эмпирические полевые исследования.

Браконьерство, как и любой вид незаконной деятельности, возникает как явление в рамках государственного регулирования. Целью государственного регулирования природопользования выступает сохранение экологии и построение рационального подхода к использованию природных ресурсов. На местах браконьеры сталкиваются с государством как с противодействующим актором в лице инстанций, контролирующих сферы охоты, рыболовства и собирательства (Клоков 2020). У охранных инстанций в сфере природопользования есть разные зоны контроля. Инспекторы Федерального агентства по рыболовству контролируют лов во внутренних водах¹, а представители пограничной службы ФСБ России — в море². Противодействие браконьерской добыче охотничьих ресурсов реализовано на двух уровнях: федеральный государственный охотничий контроль, за исключением особо охраняемых природных территорий федерального значения (далее ООПТ), на уровне субъекта³, а государственный надзор осуществляется на ООПТ бюджетным учреждением, управляющим конкретным ООПТ⁴.

В первую очередь отметим, что, в отличие от Центральной России, природопользование на Дальнем Востоке имеет промысловую направленность. Обусловлено это более высоким биоразнообразием и наличием большего количества рентообразующих природных ресурсов, часто уникальных только для этих территорий. Дальний Восток имеет ряд важных характеристик, делающих его более уязвимым к браконьерству: отдаленность, безработица, низкий уровень контроля над природными ресурсами

¹ Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов».

² Приказ ФСБ России от 16 октября 2020 г. № 476 №Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов в части морских биологических ресурсов».

³ Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁴ Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

(Skidmore 2023), рост неформального теневого сектора в экономике региона (Kuhrt 2012), близость к азиатским рынкам сбыта ценных видов диких животных и природных ресурсов (Braden 2014). Помимо этого, суровый климат меньше предрасполагает к сельскому хозяйству, а также низкая плотность населения позволяет промысловикам иметь в своем распоряжении больше территории для добычи биоресурсов. Это обуславливает более значительную роль промыслов в экономической жизни населения Дальнего Востока. Более того, на Дальнем Востоке самый большой процент ООПТ в России по площади, 58 % от всех ООПТ страны, четверть площади Дальневосточного Федерального округа, или 7 % площади страны. Именно поэтому организация контроля и его территориальное устройство играют важную роль в исследовании браконьерства на Дальнем Востоке в условиях наличия большого количества изолированных сообществ, расположенных на территориях, обладающих биоразнообразием и граничащих с ООПТ.

Территориальная специфика браконьерства формируется под воздействием множества факторов, в том числе связанных с богатством территории, ролью браконьерской добычи в экономике территории и др. Изоляция и ее роль в исследовании браконьерства важна в связи с тем, что в сочетании с богатством территории формируется возможность для почти бесконтрольной добычи биоресурсов жителями локальных сообществ.

Цель статьи заключается в исследовании влияния степени изоляции на роль браконьерства при выборе экономической стратегии жителей локальных сообществ.

Понимание ландшафта браконьерства на отдельных территориях с разной степенью пространственной изоляции позволит определить ключевые триггеры, способствующие распространению браконьерства. Результаты исследования могут быть использованы для разработки мер по борьбе с браконьерством и выстраиванию корректной коммуникации с местным населением.

Роль пространственной изоляции в присвоении природных ресурсов жителями локальных сообществ

Среди исследователей развития пространственной структуры Российской Федерации во многом доминирует мнение, что депрессивность и депопуляция сельской местности нарастают по мере удаления от крупных городов и региональных центров по модели «центр — периферия» (Нефедова 2003; Каганский 2015). Действительно, в связи с закрытием леспромхозов, рыбхозов, а также сельскохозяйственных предприятий,

занимавшихся извлечением природных ресурсов для последующей реализации, трудоспособное население массово начало перемещаться в крупные города и региональные центры. В отсутствие заработка от официальной занятости для жителей сельской местности альтернативой может стать самостоятельное освоение природных ресурсов. Особенно выгодным оно становится для жителей изолированных территорий, богатых природными ресурсами, так как в такие населенные пункты не добираются ни контролирующие инстанции, ни заезжие охотники и рыболовы (Фадеева 2012; Позаненко 2019). Доступ к природным ресурсам позволяет изолированным сообществам сохранять устойчивость и развиваться. Изоляция может положительно влиять на устойчивость местного сообщества, в частности к внешним воздействиям в период экономического кризиса (Плюснин 2008). Устойчивость в рамках изоляции формируется из-за взаимопомощи, кооперации и самоорганизации в сельских сообществах (Барсукова 2004; Позаненко 2019).

Степень пространственной изоляции сообщества варьирует, А.А. Позаненко различает значительную, незначительную и среднюю степень изоляции. Для значительной степени изоляции характерными особенностями становятся одновременно отсутствие хотя бы еженедельного доступного сообщения общественным транспортом, всесезонной дорогой и пешей доступности. Для незначительной изоляции выделяется одновременно отсутствие ежедневного сообщения общественным транспортом, дорогой с твердым покрытием, всесезонной дороги при наличии пешей доступности туда-обратно. Соответственно сообщества в средней изоляции занимают промежуточное положение между описанными выше (Позаненко 2019).

Согласно другой, более подробной типологии к пространственно-изолированным относятся те сообщества, которые не обладают привычной для жителей крупных городов транспортной инфраструктурой: авиа сообщение, крупные автомагистрали (отсутствуют дороги категорий IV, I, II, III) и железнодорожное сообщение, речной транспорт развит слабо или отсутствует вовсе (последние 15–20 лет отсутствует регулярное судоходство). Такие сообщества удалены от близлежащих настолько, что какие-либо контакты между их членами крайне ограничены или вовсе невозможны. Помимо изолированных сообществ Ю.М. Плюснин выделяет турбулентные, полностью или частично расположенные на крупной автомагистрали, судоходной реке или железнодорожной магистрали, а также ординарные сообщества, которые занимают среднее положение между описанными выше типами пространственной изоляции (Плюснин 2022).

В статье я использую типологию Ю.М. Плюснина для определения степени изоляции исследуемых сообществ так как она затрагивает не только пространственный аспект удаленности одного сообщества от другого, но и проницаемость пространства (Плюснин 2024), которая крайне важна в контексте доступа жителей изолированных сообществ к биоресурсам, в условиях близости с ООПТ.

Мотивация и логика браконьерства

Базовая причина браконьерства — это финансовая мотивация. В российской научной практике исследования браконьерства жителей локальных сообществ принято делить его на бытовое (с целью получения прибыли или с целью обеспечения собственных нужд) и организованное криминальное, когда формируются браконьерские бригады, добывающие биоресурсы в больших объемах и имеющие от этого соответствующие доходы (Шевляков 2013). Вопрос отсутствия достойных легальных альтернатив неформальной занятости и браконьерству широко рассматривается в зарубежных исследованиях. Так, сельские жители, проживающие близ заповедника Угала в Западной Танзании, прибегают к браконьерству в связи с отсутствием доходов от легальной деятельности (Wilfred, MacColl 2010). Результаты интервью с главами 573 поселений Танзании продемонстрировали, что в селах с относительно низким средним доходом наблюдался высокий уровень браконьерства. Также немаловажным фактором высокого уровня браконьерства оказывается близкое расположение деревень к местам, богатым биоресурсами. Согласно другой более широкой типологии причин браконьерства (Muth, Bowe 1998), сделанной на основе контент-анализа исследований по мотивациям браконьерства, выделяются следующие: коммерческая выгода; потребление; отдых; трофеи; желание убивать; защита себя и собственности; протест против власти; традиционное право использования ресурсов; несогласие с правилами; «трюкачество» или азарт, возникающий от незаконной деятельности.

Ряд российских исследователей выделяет в качестве ключевой мотивации браконьерства так называемое вынужденное браконьерство, к которому прибегают жители удаленных населенных пунктов Сибири (Клоков 2020; Гаврилова 2019; Давыдов 2019). Браконьеры осознают незаконность своих действий, возникающую в связи с новым ограничительным законодательством в сфере природопользования, но продолжают заниматься добычей биоресурсов, потому что легально промышляли раньше и не собираются отказываться от этого права сейчас.

Браконьерство в условиях локальности признается социально одобряемым поведением на изолированных территориях (Forsyth, Marckese

1993). Браконьерство маргинализирует сельское население, особенно в изолированных сообществах (Ермолин, Суворков 2020). Логика браконьерства обосновывается через возникающее у жителей локальных сообществ «моральное право» на ресурсы как на неотъемлемую часть территории проживания. (Гаврилова 2019). Например, на острове Сахалин устоявшееся сообщество, где рыболовство, оставаясь основным источником дохода, формирует социальные нормы и ограничения для его участников. Так, браконьеры сами определяют нормы вылова, а также «хороший» и «плохой» вылов, тем самым заменяя функцию рыбинспекции (Simonova, Davydov 2016, Wilson 2002).

Такой уровень самоорганизации связан с наличием «свободных пространств» (Давыдов 2019) в сфере неформального природопользования, а именно тех сфер, где официальные контролирующие инстанции не претендуют на полный контроль или не могут в полном объеме его реализовать. В таких пространствах люди сами берут на себя ответственность за использование ландшафта и знаний о нем, что дает им возможность говорить о легитимности своих практик, несмотря на создаваемые государством ограничения. Свободные пространства, особенно на территории России, возникают по территориальному признаку в условиях изоляции.

В качестве ответа на государственное регулирование и надзор контролирующих инстанций в сфере природопользования местное население самоорганизуется и взаимодействует, чтобы добыть биоресурсы, которые, как они считают, принадлежат им по праву (Абрамов, 2016). Такое взаимодействие также активно практикуется в Приморском крае среди представителей коренных народов, которые обладают преференциальным правом на вылов лососевых, и местными жителями, которые таким правом не обладают. В рамках совместного рыболовства используются индивидуальные квоты представителей коренных народов для частичной легализации промысла рыбаков из числа некоренных (Сталинов, Солоненко 2024).

Убежденность рыбаков, охотников и собирателей в легитимности своих действий прежде всего базируется на традиционности их промыслов, которые изначально были скорее инструментом выживания, нежели средством заработка. Именно поэтому Алехандро Портес называет одним из парадоксов неформальной экономики «парадокс государственного контроля», который заключается в том, что попытки государства избавиться от теневого сектора ограничительной политикой формируют благоприятные условия для возникновения все новых неформальных видов деятельности (Портес 2003). Эта логика хорошо объясняется на примере рыболовного промысла на территории Тазовского района ЯНАО.

Так, если инспектор Росрыболовства отобрал у рыбака его улов, наложил штраф и отобрал плавсредство, то рыбак должен приложить еще больше усилий, чтобы компенсировать свои издержки, связанные с контролем, значит увеличить масштаб своего персонального уровня браконьерства (Адаев 2019).

Наконец, браконьерство — это не атомизированный вид деятельности, который концентрируется на добыче одного биоресурса вне зависимости от других промыслов и обстоятельств. Безусловно, местные жители изолированных сообществ комбинируют неформальные браконьерские промыслы исходя из понимания экономической ситуации, возможностей логистики, наличия тех или иных ресурсов в доступе и своих потребностей (Давыдов 2019). Часто браконьеры приоритизируют промысловые биоресурсы, делая ставку на наиболее прибыльные, выбирая их как наиболее перспективные с точки зрения последующей продажи (Рахманова 2019).

Названные выше мотивы и причины дают широкий взгляд на логику браконьерства в условиях сформированного в изолированных местных сообществах права на традиционные (нелегальные, но слабо контролируемые государством) промыслы. В отсутствие легальных альтернатив получения дохода, жители прибегают к «вынужденному браконьерству» для максимизации благосостояния своих домохозяйств.

Методы и эмпирическая база исследования

Статья основывается на материалах полевых исследований, при непосредственном участии автора, проведенных на четырех территориях Дальнего Востока¹, располагающихся вблизи побережья моря или крупных нерестовых рек. По своей продолжительности экспедиции составляли от 7 до 14 дней в поле. Исследование построено на эмпирических методах: полуструктурированные интервью и наблюдение. В ходе предварительного анализа была произведена работа с 30 полевыми дневниками, как собственными, так и других участников экспедиций. Проанализированы интервью с пятью категориями информантов: местные жители, вовлеченные в неформальные промыслы (52 информанта), и те, кто в них участия не принимает (70 информантов), представители контролирующих органов (10 информантов), представители местной власти (8 информантов), сотрудники ООПТ (5 информантов).

¹ Точная география территорий исследования в тексте анонимизируется:

1. Юг Приморского края, сентябрь 2019 г.
2. Север Приморского края, ноябрь 2021 г.
3. Юг Камчатского края, сентябрь 2022 г.
4. Юг Хабаровского края, май 2023 г.

Анализ эмпирических данных осуществлялся посредством поиска ключевых тем исследования в дневниковых записях, которые сводились в единые тематические блоки для последующей интерпретации. Ключевые темы: осуществляемые промыслы, доходность промыслов, роль промыслов в экономической стратегии и хозяйстве информантов, значение промыслов для местного сообщества, противодействие осуществлению браконьерства со стороны контролирующих инстанций.

Рассматриваются только маргинальные биоресурсы (наиболее высокодоходные), добываемые неформально в рамках охоты, рыболовства и собирательства. Обусловлено это тем, что именно такие объекты браконьерства гарантируют промысловику прибыльность и ставят в приоритет финансовую мотивацию браконьерства. Основные объекты браконьерства для охоты — соболь (шкурки) и кабарга (мускусная железа); для рыболовства — добыча икры лососевых и мяса крабов; для собирательства — кедровый орех и корень женьшеня. При описании промыслов и оценке их доходности в том числе учитывалась сезонность: промыслы с ярко выраженной сезонностью и всесезонные промыслы. Главным рынком сбыта добываемых биоресурсов остается Китай.

Для понимания возникающих в условиях изоляции прав на природные ресурсы сообщества рассмотрены по характеру восприятия местными жителями себя в окружающей природе. Была использована предложенная А.А. Позаненко типология: **«пользователь»** — это человек, считающий, что он имеет право на использование природных ресурсов, но такое же право имеют и другие (обычно такое восприятие встречается в сообществах, где люди не живут за счет природы); **«хозяин»** («сын», если оттенок религиозный) — это человек, который воспринимает окружающую природу принадлежащей ему, имеющий моральное право ею пользоваться, чужаки не имеют права пользоваться природой; **«вор»** — это человек, считающий, что добываемые им биоресурсы крадутся из природы. Последний тип восприятия формируется из-за слабой укорененности сообщества, обилия чужаков на территории, которые также добывают биоресурсы, и распространенности государственного контроля природопользования.

Для выявления роли браконьерства в экономической жизни изолированных сообществ была проведена типологизация исследуемых сообществ по степени их пространственной изоляции на основе модели, предложенной Ю.М. Плюсниным. Сообщество **А** (юг Приморского края) — ординарное сообщество, **Б** (юг Камчатского края) — турбулентное, **В** (юг Хабаровского края) и **Г** (север Приморского края) — изолированные.

Сообщество А состоит из семи населенных пунктов, компактно расположенных в одном районе. Территория ординарная, так как добраться до населенных пунктов из регионального центра можно двумя дорогами регионального значения. В сообществе присутствует интенсивная миграция, что связано с переселенческим типом освоения территории и слабо выстроенными социальными связями, а также с низким уровнем социального взаимодействия внутри сообщества. Местные жители в части самовосприятия в окружающей природе называют себя «ворами», как об этой же территории пишет в своей статье А.А. Позаненко (Позаненко 2022).

Сообщество Б состоит из семи населенных пунктов. Территория турбулентная, так как населенные пункты находятся вблизи ключевой дороги, соединяющей юг и север региона, путь из регионального центра около четырех часов. Только два села из семи являются относительно изолированными, так как находятся на противоположном берегу реки, остальные села располагаются вдоль дороги. Это сообщество характеризуется большим количеством официальных рабочих мест и высокой долей бюджетного сектора в структуре занятости. Присутствует сильная миграция как внутри района, так и по территории края в поисках высокооплачиваемых рабочих мест на вахтах, большое количество трудовых мигрантов и туристов. В части восприятия в окружающей природы местные жители считают себя скорее пользователями, чем хозяевами, городские жители приезжают сюда как на дачу либо в гости к пожилым родственникам.

Сообщество В состоит из четырех населенных пунктов. Три населенных пункта сообщества компактно располагаются в рамках одного района, тогда как четвертый — на границе соседствующего района в окружении сразу трех ООПТ. Территория изолирована в связи с фактической удаленностью от регионального центра (дорога до него занимает 10–14 часов, половина пути проходит по грунтовой тупиковой дороге низкого качества) и из-за низкой проницаемости пространства в связи с запретами от границей с селами ООПТ. Сообщество крайне устойчиво, миграция минимальна, местные жители целенаправленно переехали сюда, чтобы жить вдали от цивилизации. В отличие от жителей территории А, на территории В живут в более диких местах и считают местные биоресурсы своими по праву, ощущают себя хозяевами.

Сообщество Г состоит из двух населенных пунктов. Территорию можно охарактеризовать как изолированную. Несмотря на дорожное сообщение с районным центром, из обоих сел до него нужно добираться по плохой гравийной дороге, некоторые участки которой могут быть недо-

ступны в период половодья, сотовая связь и интернет в населенных пунктах нестабильны. Передвижение между селами напрямую, минуя плохую дорогу, возможно лишь по пешему маршруту, однако местными жителями он практически не используется так как подразумевает переход горной реки и проходит через ООПТ, что требует разрешения. Миграция на территории минимальна в связи с сильной пространственной изоляцией. В части восприятия себя в окружающей природе местные жители считают себя хозяевами и недовольны акторами, которые ограничивают их права на природопользование (лесозаготовители-промышленники, ООПТ), при этом выражают обеспокоенность состоянием местной флоры и фауны.

Оценка доходов от браконьерских промыслов

Все территории исследования характеризуются как богатые природными ресурсами, однако уровень богатства варьирует в зависимости от ряда показателей. Важное условие материального благополучия изолированных сообществ — это наличие доступа к какому-либо рентообразующему биологическому ресурсу. «Рентообразующий, или маржинальный, биоресурс — это ресурс, реализация которого не только окупает затраты на его добычу, но и приносит существенную прибыль» (Клюков 2020: 159).

Базовый для всех территорий сезонный промысел — это добыча лососевых для заготовки икры. Длится с начала лета и до середины осени, на территории **Б** может продолжаться дольше в связи с равномерным ходом разных видов лососевых на нерест. Такой промысел не требует серьезной подготовки. Для территорий **А** и **Б** промысел рентообразующий. Для территории **В** рентообразующий промысел — это добыча краба. Только за один выход судна на добычу краба команда из трех человек может получить от 200 до 400 тыс. руб. за вычетом расходов, составляющих около 50 тыс. руб. За месяц краболовная команда делает около 8–10 выходов на промысел. Добыча круглогодичная, меняются только издержки выхода на промысел в зависимости от сезонной миграции краба. Выгода от промысла провоцирует браконьеров заниматься им в любых погодных условиях. Добываемый на всех исследуемых территориях охотничий ресурс — это соболев. Из-за сильного падения цен на шкурки соболя промысел перестал быть одним из наиболее маржинальных, как это было еще 7–10 лет назад. Женьшень добывается только на территории **А**. Стоимость одного корня в закупке варьирует от массы его характеристик (размера, ветвистости и др.). Корень может стоить от нескольких до сотен тысяч рублей. Стоимость уникальных корней достигает нескольких миллионов рублей. Розничная цена в Китае достигает до 100\$ и более

Таблица 1

Промысловые доходы на территориях с разной степенью изоляции¹

Ординарное	Турбулентное	Изолированное	Изолированное	Сезонность промысла	Оценочные доходы, тыс. руб.	Стоимость за единицу, тыс. рублей
А	Б	В	Г			
		Краб		Всесезонный	1600–3000, месяц	2, кг
Красная икра	Красная икра	Красная икра	Красная икра	Сезонный	300–3000, сезон	1,5 — 3 литр
Кедровый орех		Кедровый орех	Кедровый орех	Сезонный	500–1500, сезон	2,4, мешок
Женьшень				Сезонный	Зависит от качества корня	Зависит от качества корня
Кабарга		Кабарга	Кабарга	Всесезонный	20–60, выход на промысел	20 — 40, ед.
Соболь	Соболь	Соболь	Соболь	Сезонный	60–300, сезон	1,5 — 4, ед.

¹ Яркость серого цвета в таблице характеризует разницу интенсивности промысла на исследуемых территориях: чем ярче цвет, тем интенсивнее промысел.

за грамм. Кедровый орех добывается на двух исследуемых территориях Приморского края, закупочная цена составляет около 120 руб. за килограмм нечищенной шишки. Сдают в мешках по 20 килограммов каждый. В среднем один «шишкарь» способен за день собрать около 10 мешков и заработать 20–25 тыс. руб. Урожайность шишки нестабильна от года к году, а лучший сезон наступает только раз в четыре года.

Таким образом, годовой доход браконьера в рамках рассматриваемых территорий может варьировать от 1 до 5 млн руб. при участии в нескольких промыслах в разные этапы сезона, а также при совмещении промыслов.

Влияние браконьерских промыслов на экономику территорий

Доходы от браконьерства высоки по сравнению со средними заработными платами в сельской местности. Но формирует ли доход от браконьерства и неформального природопользования весомую часть дохода домохозяйства для жителей исследуемых территорий и как меняется роль браконьерства в экономической жизни местного населения в зависимости от степени изоляции сообщества?

Таблица 2

Характеристика сообществ исследования

Характеристики сообщества	А	Б	В	Г
Степень изоляции сообщества	Ординарное	Турбулентное	Изолированное	Изолированное
Самовосприятие жителей сообщества в природе	«Вор»	«Пользователь»	«Хозяин»	«Хозяин»
Наличие легальных альтернатив промысла	Да	Да	Нет	Нет
Наличие ООПТ в границах сообщества	Нет	Нет	Да	Да
Роль браконьерства в экономической стратегии жителей	Приработок	Приработок	Основной доход	Основной доход
Браконьерство со стороны «чужаков»	Да	Да	Нет	Нет

Для исследуемых территорий с низкой степенью изоляции характерно наличие большего количества официальных рабочих мест на предприя-

тиях, в бюджетном секторе и частном бизнесе. Это позволяет им выстраивать свою экономическую стратегию без исключительной привязки к получению доходов от неформального природопользования. Люди активно совмещают промыслы с основным местом работы и воспринимают их как «приработок».

На время нереста многие работники готовы уйти в отпуск на месяц, чтобы обеспечить себе дополнительный доход. Действительно, на слабо изолированных территориях А и Б информанты преимущественно указывали свое отношение к браконьерским промыслам как к возможности хорошего сезонного дохода в дополнение к официальной, что важно, регулярной работе. На территории А один из информантов официально работал сварщиком и получал около 80 000 руб. в месяц, но на период нереста брал отпуск, потому что «можно заработать миллион, да и два в принципе тоже можно за сезон, если хорошо пойдет»¹.

Таким образом, место браконьерских промыслов в экономической стратегии жителей этих территорий можно охарактеризовать как сезонный приработок. Регулярная работа формирует базовый доход, а промыслы становятся альтернативной деятельностью. При этом сезонный заработок может составлять львиную долю всего годового дохода и даже превышать официальный заработок.

На территориях с высокой степенью изоляции Б и Г информанты чаще определяли браконьерские промыслы как источник, формирующий большую часть дохода. Многие живут исключительно промыслами, например как один из информантов территории Г: «Когда заканчивается охота, я иду на рыбалку, не сию без дела, для меня это работа»².

Характерная экономическая стратегия — это работа сутки через трое на дизельной станции, в кочегарке, дворником и т.д. Такая работа дает официальный статус и легко совмещается почти с любым промыслом, что позволяет гарантировать превалирующий доход именно от продажи биоресурсов. Официальная занятость дает базовый минимальный доход, тогда как промысловая активность позволяет увеличивать его в несколько раз. Промысел в случае изолированных сообществ становится реальной «работой» и воспринимается местными жителями в качестве таковой. Именно на изолированных территориях мне чаще приходилось сталкиваться с тем, что информанты жалуются на сильное сокращение своих

¹ Цитата информанта из полевого дневника Г.И. Сталинова по территории А, 2019 г.

² Цитата информанта из полевого дневника А.С. Черкасова по территории Г, 2021 г.

доходов из-за внешних обстоятельств, которые влияют на результаты промысла: «пустая тайга»¹, «неконтролируемый вылов рыбопромышленниками»², «ограничения ООПТ»³. Более того, жители изолированных сообществ имеют более четкую позицию относительно прав на пользование природными богатствами локальных сообществ и негативно высказываются, когда кто-то ограничивает эти права:

Нет проблем, я куплю эти лицензии. Вы дайте мне 5, 10 штук, я все, какие мне дадут приобрести, куплю. Только у меня предков два поколения здесь жило, все было разрешено, а сейчас я должен втихаря этим заниматься и штрафы платить, потому что это теперь чье-то, а не местных⁴.

Наличие легальных альтернатив для законной добычи биоресурсов — это возможность для сокращения уровня браконьерства. Территории с низкой степенью изоляции имеют большое количество легальных альтернатив промысла. Так, на территориях **А** и **Б** есть несколько рыболовных участков для лицензионного лова лососевых и общедоступных охотугодий, большое количество частных охотугодий. Еще одной легальной альтернативой браконьерству может быть туризм: при его развитии промысловики с легкостью становятся гидами, сдают свое жилье в аренду, организуют небольшие туристические предприятия, а также вовлекают туристов в промысел, но, что важно, зарабатывают в большей степени на туристах, а не на браконьерстве (Гаврилова 2019).

На изолированных территориях **Г** и **В** ситуация значительно хуже. Для территории **Г** вопрос наличия легальных альтернатив промыслу встает остро, так как территория граничит с ООПТ. Промышлять разрешено на специально отведенном для представителей коренных малых народов Севера (КМНС) участке (в 70 километрах от места проживания), а не для КМНС — только в рамках пятикилометровой зоны вокруг населенных пунктов. Также есть небольшие по своей территории охотугодья рядом с ООПТ. На территории **В** общественных охотугодий нет вовсе. Единственная альтернатива для охотника без участка — это добыча охотничьих ресурсов за плату арендатору охотугодий (охотпользователю) в виде денежных средств или доли от добытого, т.е. охотник без участка стано-

¹ Полевой дневник А.С. Черкасова по территории А, 2019 г.

² Там же.

³ Полевой дневник А.С. Черкасова по территории Г, 2021 г.

⁴ Цитата информанта из полевого дневника А.С. Черкасова по территории Г, 2021 г.

вится субарендатором. Легального рыболовства на лососевых также нет, за исключением квот для КМНС. В таких условиях представители КМНС могут легализовать браконьерство в рамках совместного занятия промыслом с гражданами, не являющимися представителями КМНС. Обычно это выгодно всем участникам, так как представитель коренного народа выступает как человек, обладающий статусом и гарантирующий легальность, тогда как представители других национальностей организуют сам промысел, обеспечивая его доходность (Сталинов, Позаненко 2024). Организованного туризма на изолированных территориях нет, как и большого количества рабочих мест.

Более изолированные территории чаще отличаются сложностью рельефа, слабой проницаемостью и другими факторами, которые становятся барьерами при организации полноценного и эффективного личного подсобного хозяйства (ЛПХ) (Плюснин 2024). Жители изолированных территорий ведут небольшое хозяйство, а некоторые даже имеют скот, но это далеко не те масштабы, которые позволяют кормить семью. Для жителей неизолированных или слабо изолированных территорий роль ЛПХ часто близка к неформальному природопользованию и во многом обеспечивает семьи частью необходимых продуктов на протяжении всего года. Наконец, фактор изолированности территорий оказывает прямое влияние на ее доступность для чужаков. Если территория обладает высоким уровнем транспортной доступности и, что не менее важно, высокомаржинальными биоресурсами, то становится местом притяжения для чужаков. В такой ситуации возникает несколько проблем «дележки ресурсов» местных с приезжими, с которыми я сталкивался на территории **А** и **Б**. Так, на территории **А** количество чужаков в период нереста в 2–3 раза больше по сравнению с другими территориями, зачастую это приезжие браконьеры из других районов, которые не имеют выхода к морю, а также из соседних регионов. Такое количество чужаков приводит к ряду последствий. Приезжие браконьеры потребительно относятся к биоресурсам, вылавливая все, что им доступно. После них, по словам местных жителей, «остается выжженная земля»¹. Один из приезжих информантов, который занимался браконьерством на территории **А**, описывал цель своего приезда фразой «грабить, так грабить»². Территория **Б** также становится местом для получения быстрого промыслового дохода для чужаков. Высокая транспортная доступность, близость от регионального центра и турбулентность

¹ Цитата информанта из полевого дневника А.С. Черкасова по территории **А**, 2019 г.

² Там же.

территории обуславливают большое количество проезжающих сквозь нее жителей региона и туристов.

Наличие ООПТ на удаленной от «цивилизации» территории также увеличивает степень ее изоляции от внешнего мира и проницаемости, так как для доступа на территорию нужно либо получать специальные пропуска, чтобы пересечь ООПТ, либо объезжать охраняемую территорию. Богатые природными ресурсами изолированные территории В и Г окружены несколькими ООПТ, что значительно усиливает и диверсифицирует контроль природопользования на территории. Происходит это из-за того, что на территории одновременно присутствуют несколько контролирующих инстанций, которые имеют смежные или общие зоны ответственности. Но действительно ли контроль на таких территориях организован лучше и эффективнее? Значительное количество контролеров и непрозрачное распределение реальных зон ответственности становится условием для появления конфликтов интересов между региональными и федеральными инстанциями, возникновения спорных территорий с разной спецификой контроля, формального увеличения силы контроля на территории и сокращения легальных альтернатив промысла для местного населения. Таким образом, контроль на территории изолированных сообществ выстроен менее эффективно, чем контроль на территории ординарных и турбулентных сообществ.

Заключение

Браконьерские промыслы на изолированных территориях исследования являются ключевым источником дохода для местного населения. Жители изолированных территорий в большей степени отмечают снижение своих доходов в связи с внешними обстоятельствами, которые ограничивают природопользование. Жители турбулентных и ординарных сообществ воспринимают неформальное природопользование как приработок. Для максимизации дохода промысловики на изолированных территориях исследования активно комбинируют рентообразующие промыслы (добычу краба, икры лососевых, охоту на кабаргу), также встречается чередование сезонных промыслов (добыча лососевых, сбор кедрового ореха, добыча соболя). Жители слабо изолированных сообществ чаще занимаются исключительно сезонными промыслами или промыслами, которыми привыкли заниматься.

На турбулентных и ординарных территориях сильное влияние на масштаб браконьерства оказывают чужаки, извлекающие из сезонных промыслов максимальную выгоду в краткосрочной перспективе. Сезонное браконьерство чужаками на сильно изолированных территориях трудно-

доступно, в связи с чем большее количество ресурсов достается жителям локальных сообществ.

Изолированность способствует выстраиванию более тесных связей внутри сообщества, установлению локальных норм природопользования, которые не всегда совпадают с законами. Формирующееся в условиях сильной изоляции право на ресурсы выше, чем в слабой, в связи с наличием хозяйского отношения к биоресурсам. На слабоизолированных территориях, наоборот, люди чаще относятся к природе как пользователи или как «воры», на что влияет слабая устойчивость их сообществ и слабая укорененность населения.

Таким образом, богатые природными ресурсами изолированные территории Дальнего Востока в условиях наличия рентообразующих ресурсов, ключевым из которых стала икра лососевых, а также отсутствия легальных альтернатив промысла становятся идеальными территориями для возникновения «свободных пространств», в которых люди кооперируются для получения дохода от природных ресурсов, несмотря на государственные ограничения. Ограничения формируют парадокс государственного контроля, который способствует росту браконьерства. Триггером к увеличению уровня браконьерства на изолированных территориях становится их близость к ООПТ, сокращающая количество доступных мест легальной добычи. Для слабо изолированных территорий, наоборот, характерно наличие большего количества легальных альтернатив для промысла: общественные охотугодья и рыболовные участки для лицензионного лова. Также альтернативной деятельностью для турбулентных и ординарных территорий часто становится туризм.

Результаты исследования могут быть полезны при разработке мер по совершенствованию контроля природопользования в части понимания разницы коммуникации и выстраивания контроля на территориях с разной степенью пространственной изоляции. Дискуссионным является вопрос взаимосвязи степени изоляции сообщества и диверсифицированного контроля природопользования, возникающего при пересечении полномочий природоохранных инстанций на одной территории. Сильно изолированные территории остаются наиболее подвержены браконьерству, при этом располагают большим количеством природоохранных инстанций, которые должны способствовать снижению уровня браконьерства.

Безусловно, эмпирическая база исследования не позволяет сделать общие выводы без привязки к исследуемым сообществам Дальнего Востока. С целью объективной интерпретации полученных результатов необходимо произвести дополнительный анализ схожих по конфигурации кейсов по новым территориям исследования.

Выражение благодарности

Материалы собраны преимущественно в рамках участия в исследованиях проекта «Открываем Россию заново» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Выражаю благодарность А.А. Позаненко, организовавшему три экспедиции, поддержанные проектом «Открываем Россию заново»:

«Исследование практик неформального природопользования на территории Приморского края», 2019 г.

«Заповедники и научные станции Приморья: влияние на развитие территории», 2021 г.

«Нетипичная Камчатка: экономические стратегии жителей Мильковско-го района», 2022 г.

Также хочу выразить благодарность Е.А. Солоненко, руководителю проекта «Как природа становится парком», поддержанному фондом «Хамовники». Благодарю рабочую группу факультета социальных наук НИУ ВШЭ «Подготовка чиновников по особым поручениям» за обсуждение материалов статьи и полезную обратную связь. Благодарю Ю.М. Плюснина за помощь и ценные советы по написанию статьи.

Литература / References

Абрамов И.В. (2017) Этносоциальный контекст промысла сиговых рыб на р. Северная Сосьва: формальные правила и неформальные практики рыболовства. *Духовная и материальная культура манси*. Екатеринбург: Центр традиционной народной культуры Среднего Урала: 6–22.

Abramov I.V. (2017) The ethnosocial context of whitefish fishing on the Severnaya Sosva River: Formal rules and informal fishing practices. In: *Duhovnaya i material'naya kul'tura mansi*. [The spiritual and material culture of Mansi]. Ekaterinburg: Tsentr traditsionnoy narodnoy kul'tury Srednego Urala: 6–22 (in Russian).

Адаев В.Н., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. (2019) Качество жизни в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО. *Исследования по антропологии права*. СПб.: Нестор-История.

Adaev V.N. Martynova E.P. Novikova N.I. (2019) Quality of life in the Russian Arctic: Tazovsky District of YaNAO. In: *Studies in legal anthropology*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Барсукова С.Ю. (2004) Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика. *Социологические исследования*, 9: 20–30.

Barsukova S.Yu. (2004) Reciprocal interactions. Essence, functions, specifics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 9: 20–30 (in Russian).

Барсукова С.Ю. (2012) Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы. *Социологические исследования*, 2: 31–39.

Barsukova S.Yu. (2012) Informal economy: Concept, study history, research approaches. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2: 31–39 (in Russian).

Гаврилова К.А. (2019) Опасное природопользование: рыбные ресурсы и ностальгия по государству в Баренц-регионе. *Этнографическое обозрение*, 4: 13–28.

Gavrilova K.A. (2019) Risky nature management: Fish resources and nostalgia for the state in the Barents region. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4: 13–28 (in Russian).

Давыдов В.Н. (2019) Неформальное природопользование на Северном Байкале: добыча биоресурсов в свободных пространствах. *Этнографическое обозрение*, 4: 76–88.

Davydov V.N. (2019) Informal nature management in Northern Baikal: Harvesting bioresources in free spaces. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4: 76–88 (in Russian).

Ермолин И.В., Суворков П.Э. (2020) На пути к теории «автономного» сообщества: экс-полярные экономические структуры прибрежного рыболовства на юге России. *Мир России: Социология, этнология*, 2(29): 156–178.

Ermolin I.V. Suvorkov P.E. (2020) Towards the theory of an “autonomous” community: ex-polar economic structures of coastal fisheries in the South of Russia. *Puti Rossii* [The Ways of Russia], 2(29): 156–178 (in Russian).

Каганский В.Л. (2015) Внутренняя периферия–новая растущая зона культурного ландшафта России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 6: 23–34.

Kagansky V.L. (2015) Inner periphery — a new growing zone of Russia's cultural landscape. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], 6: 23–34 (in Russian).

Клоков К.Б. (2020) Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах. *Этнография*, 7: 143–165.

Klokov K.B. (2020) Between the state and the market: Informal practices of natural resource use in Siberian villages. *Etnografiya* [Ethnography], 7: 143–165.

Нефедова Т.Г. (2003) *Сельская Россия на перепутье*. М.: Новое издательство.

Nefedova T.G. (2003) *Rural Russia at the crossroads*. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Плюснин Ю.М. (2008) Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3: 38–50.

Plyusnin Yu.M. (2008) Factors of local self-government development. Assessing the significance of isolation and isolationism. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of State and municipal management], 3: 38–50 (in Russian).

Плюснин Ю.М. (2022) Социальная структура провинциального сообщества. М: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники».

Plyusnin Yu.M. (2022) *The social structure of provincial society*. Moscow: Common Place; Fond social'nyh issledovanij «Khamovniki» (in Russian).

Плюснин Ю.М. (2024) Пути формирования и развития изолированных местных обществ. *Пути России*, 2(1): 11–36.

Plyusnin Yu.M. (2024) Ways of formation and development of isolated local societies. *Puti Rossii* [The Ways of Russia], 2(1): 11–36 (in Russian).

Портес А. (2003) Неформальная экономика и ее парадоксы. *Экономическая социология*, 4(5): 34–53.

Portes A. (2003) The informal economy and its paradoxes. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 4(5): 34–53 (in Russian).

Позаненко А.А. (2019) Пространственная изоляция и устойчивость локальных сообществ: к развитию существующих подходов. *Пути России. Границы политики*: 139–153.

Pozanenko A. A. (2019). Spatial isolation and sustainability of local communities: Towards developing existing approaches. In: *Puti Rossii. Granitsy politiki* [The ways of Russia. The frontier of politics]: 139–153 (in Russian).

Позаненко А.А. (2022) Восприятие человеком своей роли в окружающей природе. Парадокс Приморья. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 3 (58): 165–173.

Pozanenko A. A. (2022) A person's perception of his role in the surrounding nature. The Paradox of Primorye. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 3 (58): 165–173 (in Russian).

Рахманова Л.Я. (2019) Рыбаки и контролирующие инстанции на Оби: правоприменение в тени локальных правил игры. *Этнографическое обозрение*, 4: 45–60.

Rakhmanova L.Ya. (2019) Fishermen and controlling agencies on the Ob River: Law enforcement in the shadow of local rules of the game. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4: 45–60 (in Russian).

Сталинов Г.А., Позаненко А.А. (2024) Лососёвый промысел в полиэтническом селе в условиях неравных прав на доступ к ресурсу. *Пути России*, 2(1): 39–56.

Stalinov G.A., Pozanenko A.A. (2024) Salmon fishing in the Polesky village in conditions of unequal rights to access to the resource. *Puti Rossii* [The Ways of Russia], 2(1): 39–56 (in Russian).

Сталинов Г.А., Солоненко Е.А. (2024) Коллективная рыбалка с представителями коренных малочисленных народов Севера как легализация промысла некоренных сельских жителей в Приморском крае. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2: 191–202.

Stalinov G.A., Solonenko E.A. (2024) Collective fishing with representatives of indigenous small-numbered peoples of the North as the legalization of fishing by non-indigenous rural residents in the Primorsky Territory. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2: 191–202 (in Russian).

Фадеева О.П. (2012) Трансформация хозяйственных укладов и потенциал самоорганизации сельских сообществ. *Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей*. М.: Дело: 15–43.

Fadeeva O.P. (2012) Transformation of economic structures and self-organization potential of rural communities. In: *Vtoraya Rossiya: differentsiatsiya i samorganizatsiya* [The Second Russia: differentiation and self-organization]. Moscow: Delo: 15–43 (in Russian).

Шевляков Е.А. (2013) Структура и динамика нелегального берегового промысла тихоокеанских лососей в Камчатском регионе в современный период. *Рыбное хозяйство*, 2: 58–64.

Shevlyakov E.A. (2013) The structure and dynamics of illegal coastal fishing of Pacific salmon in the Kamchatka region in the modern period. *Rybnoe hozyaistvo* [Fisheries], 2: 58–64 (in Russian).

Braden K. (2014) Illegal Recreational Hunting in Russia: The Role of Social Norms and Elite Violators. *Eurasian Geography and Economics*, 55(5): 457–490.

Forsyth C.J., Marckese T.A. (1993) Thrills and Skills: A Sociological Analysis of Poaching. *Deviant Behavior*, 14(2): 157–172.

Kuhrt N. (2012) The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery. *Europe-Asia Studies*, 64(3): 471–493.

Muth R.M., Bowe Jr., J.F. (1998) Illegal Harvest of Renewable Natural Resources in North America: Toward a Typology of the Motivations for Poaching. *Society & Natural Resources*, 11(1): 9–24.

Simonova V.V., Davydov V.N. (2016) Non-compliance with Fishery Regulations in Sakhalin Island: Contested Discourses of Illegal Fishery. *International Journal of Humanities and Cultural Studies*, 3(3): 232–245.

Skidmore A. (2023) Exploring the Motivations Associated with the Poaching and Trafficking of Amur Tigers in the Russian Far East. *Deviant Behavior*, 44(3): 331–358.

Wilfred P., MacColl A.D.C. (2010) Income Sources and Their Relation to Wildlife Poaching in Ugalla Ecosystem, Western Tanzania. *African Journal of Environmental Science and Technology*, 12(4): 886–896.

Wilson E. (2002) Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and moral entitlements to the fish resources of Nyski Bay, north-eastern Sakhalin. In: Kasten E. (ed.) *People and the land: Pathways to reform in post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag: 149–168.

Wyatt T. (2009) Exploring the Organization of Russia Far East's Illegal Wildlife Trade: Two Case Studies of the Illegal Fur and Illegal Falcon Trade. *Global Crime*, 10(1–2): 144–154.

Wyatt T. (2013) Beyond Anti-Poaching: The Need for Broad Approaches to Wildlife Crime. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 37(2): 93–101.

Источники

Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/] (дата обращения: 12.02.2025).

Приказ ФСБ России от 16 октября 2020 г. № 476 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов в части морских биологических ресурсов» [<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011240037?ysclid=mc4vwibrza243210135>] (дата обращения: 14.02.2025).

Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [https://depoozm.ru/index.php/dokumenty/54-federal-nye-zakony/67-docs_67] (дата обращения: 20.02.2025).

Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/7646>] (дата обращения: 20.02.2025).

THE LANDSCAPE OF POACHING IN ISOLATED LOCAL COMMUNITIES OF THE RUSSIAN FAR EAST

Alexander S. Cherkasov (ascherkasov@hse.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Cherkasov A.S. (2025) The landscape of poaching in isolated local communities of the Russian Far East. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 137–159 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.6> EDN: GOVYHB

Abstract. This study aims to identify the characteristics of poaching activities in relation to the degree of spatial isolation of local communities. The key hypothesis posits that poaching plays a more significant role in the economic strategies of highly isolated communities compared to less isolated ones. The empirical basis of the research consists of field data collected through observations and interviews conducted in Primorsky Krai, Kamchatka Krai, and Khabarovsk Krai between 2019 and 2023. The study documents region-specific poaching practices in hunting, fishing, and gathering, assesses their economic returns, and examines the role of poaching in the livelihoods of residents in isolated, ordinary, and turbulent communities. Key triggers that amplify the importance of poaching for resource-rich isolated communities are identified. The findings reveal that isolated territories face a shortage of formal employment opportunities and legal

alternatives for resource extraction, with subsistence farming playing a lesser role compared to resource-based activities. The abundance of valuable biological resources, combined with these factors, establishes poaching as a central element of economic strategy for residents of highly isolated communities. In contrast, for less isolated communities, poaching primarily serves as a supplementary or seasonal income source.

Keywords: poaching, spatial isolation, geographically isolated communities, natural resource regulation, informal economies, shadow economy, fishing, hunting, gathering.

Acknowledgements

The data were collected primarily as part of research conducted under the “Rediscovering Russia” project at the HSE University. I extend my gratitude to A.A. Pozanenko for organizing three expeditions supported by this project:

“Investigating Informal Natural Resource Use Practices in Primorsky Krai” (2019)

“Protected Areas and Research Stations in Primorye: Impact on Regional Development” (2021)

“Atypical Kamchatka: Economic Strategies of Milkovsky District Residents” (2022)

I am also grateful to E.A. Solonenko, lead researcher of the “How Nature Becomes a Park” project funded by the “Khamovniki Foundation”. Special appreciation goes to the working group of HSE’s Faculty of Social Sciences “Training Special Assignment Officials” for their constructive feedback on the manuscript. I am deeply grateful to Yu.M. Plyusnin for his guidance and invaluable advice during the writing process.